

Бесчисленное количество людей пришло на первую годовщину в Брахенройте. Маленькие факелы освещают ошеломленные лица тех, кто буквально стал «на ночь» частью этого скорбящего сообщества. Матери и отцы, братья и сестры, бабушки и дедушки, жены и мужа, дочери и сыновья погибших, жители региона. Кажется, что время замедляется, последний факел горит ... Вскоре после этого, как будто небо ждало именно этого момента, из нескольких маленьких капель начинается сильный дождь. Чуть позже облачный покров разрывается, раскрывая глубины звездного неба. Как будто по команде, все собравшиеся смотрят вверх в звездную ночь, в небо, которое с прошлой трагедии, вероятно, в равных частях связано с ужасной болью и все же вселяет надежду ...

В это утро вторника в конце марта я стою перед табличками с фамилиями у мемориала и смотрю в то же небо. Сегодня в основном облачно, дует сильный ветер. Недалеко от меня лежит большой шар из нержавеющей стали с "Разорванного жемчужного ожерелья", который символизирует разорванные нити жизней стольких людей. Он окружен цветами. Рядом со мной стоит господин В., который согласился сопровождать меня к мемориалу, чтобы рассказать о своих впечатлениях по дороге и на месте. Газетные сообщения и книга, которые я читала раньше, фотографии разрушенного фюзеляжа российской машины поднимаются перед моим внутренним взором. Они колеблются в маятниковых движениях назад здесь и сейчас. К мемориальным доскам, к шарам, к господину В.

Я чувствую внутренний барьер моего воображения ... Я не могу превратить все слова из уст своего собеседника в образы. Но в этот момент этот предел защищает. Именно эта граница была сильно разорвана в умах помогающих тогда людей реальными картинами этой катастрофы. Изображения, которые кричат в небо, изображения, которые не возможно себе представить, не дай Бог! Стопкадры, которые не отпускают, которые навсегда врезаются в память, травмируют...

Мы едем дальше по лесной грунтовой дороге. Мимо фруктового сада, мимо молодой памятной ёлочки. Из окна машины видно, что она украшена - я различаю маленькие сердечки. Многие из этих елей сейчас старше, чем умершие, в честь которых они были посажены ... как много детей погибло в этой трагедии ... Слева от нас - холмы, почти все ограниченные с одной стороны лесом. Впервые я действительно осознаю, насколько велика территория, на которой были обнаружены люди, обломки и фрагменты багажа почти 17 лет назад. Каждому найденному тогда личному предмету был присвоен номер, чтобы облегчить возвращение его родственникам погибшим. Просто кошмар. Фотографии, песни на кассетах и дисках. Обрывки воспоминаний об оборванной жизни, жизни, которая никогда не вернется.

Мы снова сворачиваем с главной дороги на узкую грунтовую дорожку, в начале которой останавливаемся. Я смотрю в небо, затем мы проходим немного вперед. Мы находимся на месте, где были обнаружены обломки грузового самолёта, в нескольких километрах от русской машины.

Слева от меня находится большой камень, в центре которого прикреплены два небольших портрета пилотов, жизнь которых оборвалась здесь. Там же находится своеобразная небольшая мемориальная доска. Перед валуном стоят две маленькие фигурки ангелов, маленькие камни на его вершине. Перед моими ногами я нахожу маленький плоский камень и прикладываю его к нему. Обычай, который до этого я знала только по иудизму. Я оглядываюсь и замечаю еще один шар из нержавеющей стали и еще одну памятную доску. Я замечаю, что эта область почти полностью раскрыта в полукруглой форме. Даже в глубине земли это несчастье оставило свой след.

Я перегружена впечатлениями. Поскольку у меня еще есть время до моей следующей встречи в этот день, господин В., использует это время, чтобы немного рассказать мне о Юберлингене. Мы посещаем собор, ратушу, прогуливаемся по набережной озера. Старый город, узкие улочки, которые почему-то мне всегда немного напоминают Марбург.

В течение дня, а также на следующий день я встречаюсь с другими членами общества. Большинство из них были в то время переводчиками или в составе кризисной команды: «Мы не знали точно, чего ожидать в начале ...», «У многих из нас были дети того же возраста, что и дети и подростки, погибшие в катастрофе» ... «Если вы говорите как на русском, так и на немецком языке, вы будете вдвойне поражены словами ...»

Подобные моменты лишают дара речи на любом языке мира.

«Мы стояли с недавно прибывшими родственниками перед полностью разрушенной хвостовой частью русской машины, просто стояли там, взявши друг друга в свои объятия, и плакали вместе».

Жестокая реальность полностью поглотила слова в эти минуты, утопив их в кричащей тишине.

Другой мой собеседник был тогда в одной из бесчисленных полицейских команд в полях и лесах вокруг Юберлингена. После шокирующей уверенности в том, что никто не выжил в этом столкновении, он участвовал в восстановлении и идентифицировании тел погибших, их личных вещей и багажа. Страшные воспоминания ...

Госпожа М. навещает меня днём прямо в молодёжном общежитии, где я остановилась во время моего пребывания. Я помогаю ей разгрузить небольшую картонную коробку с ручками и крышкой. Его фактический вес невелик, но если вы взвесите вес воспоминаний, которые он содержит, в единицах веса, то мы, конечно, не сможем переместить его вместе. Там находятся, отсортированные по годам, все газетные статьи, которые касаются событий самого столкновения или имеют дело с ним. Представлена региональная пресса, а также межрегиональные газеты. Весь мир смотрел летом 2002 года на идиллическое Боденское озеро. Из каждого ежегодного сборника она осторожно выбирает те статьи, которые могут представлять особый интерес для меня в контексте моего основного вопроса о культуре памяти. «В то время я скупала газеты во всех киосках и супермаркетах в этом районе с сообщениями о катастрофе, чтобы иметь возможность передать их родственникам погибших». «Каждый раз, когда одна из этих семей приезжает в Юберлинген, я даю им такую статью».

Каждая статья, которую мы смотрим вместе, заставляет глубоко задуматься. Каждая статья наполнена очень конкретными воспоминаниями, вызывает целую историю внутри моей гостыи, но, к сожалению, времени не хватает. Возможно, эта коробка воспоминаний является символом, картиной, абстракцией того, что случается с любым, кто каким-либо образом соприкасается с этой катастрофой: внезапное попадание в серию молниеносно опрокидывающих событий, сила которых яростно разрушает защитные границы. События, которые внезапно прорываются через жизнь без вашего вмешательства. Невообразимое внезапно переживается, каким-то образом сортируется и принимается как часть собственной биографии. Никто не скажет, как это сделать! Нет для этого панацеи. Воспоминания должны сами найти место в самом себе, где они тщательно хранятся, сосуд, крышку которого можно легко снять, чтобы поддерживать связь. Но его также можно снова закрыть, чтобы каким-то образом жить дальше. Перемещение ценных воспоминаний о «до» в систему координат «после», в которую человек был пассивно погружен окончанием инцидента ...

Ранним утром в среду, в день моего отъезда, я в последний раз сижу в столовой и наслаждаюсь видом на Боденское озеро. Возвращаясь в свою комнату, я прохожу мимо художественно оформленной фрески с цитатой еврейского религиозного философа Мартина Бубера: «Вся настоящая жизнь – это встречи». «Очень удачное название для моего опыта последних трех дней», - думаю я.

Наконец, я стою на платформе и жду своего поезда, смотрю в небо. Оно задрапировано тёмно-синим с небольшим количеством облаков и широко простирается над Боденским озером, его просторы не могут быть охвачены взглядом. Но 1 июля 2002 года оно был недостаточно далеко ...

Подходит мой поезд, я вхожу. Мой багаж по сравнению с приездом, конечно, намного тяжелее, даже если на первый взгляд это выглядит не так. Впечатления тоже весят тяжело!

На обратном пути у меня есть время, чтобы осмыслить свои впечатления: «Вся настоящая жизнь - это встречи» - они могут быть связаны с большой болью. В случае авиакатастрофы жестокая реальность смерти 71 человека заставила людей найти друг друга, без этого они, вероятно, никогда бы не встретились. Сообщество за пределами национальных границ и за пределами политических событий.

Память объединяет, потому что траур никогда не заканчивается. Это ускользает от восприятия человеком границ времени и требует большего пространства. Я благодарю всех людей, которые позволили мне участвовать в этом сообществе благодаря их доверию и их историям. Спасибо за поддержку и до новых встреч!

Марбург, июнь 2019 года: я сижу на берегу Лане и наслаждаюсь солнцем, которое греет уже намного сильнее, чем в марте. Опыт, который я получила во время моего посещения Боденского озера, поднял мои жизненные вопросы на совершенно новый уровень - прежде всего в отношении моей учебы, которая сейчас подходит к концу. Что мне делать? Каковы мои надежды? Есть ли что-то, что может утешить в такой ситуации?

Я смотрю на небо, оно тёмно-синее, безоблачное. Я всматриваюсь в его глубину в надежде, что есть больше, чем мы видим ...

Анабель Платалла

(Студентка теологии 6 курса)